

Бондаренко Елена Николаевна

**КУЛЬТ БЫТИЯ ВСЕГО СУЩЕСТВУЮЩЕГО В ОБРАЗЕ "НЕРЕАЛЬНО-РЕАЛЬНОЙ" ЖЕНЩИНЫ
(НА ПРИМЕРЕ НАТУРФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)**

Статья посвящена рассмотрению образа "нереально-реальной" женщины в натурфилософской прозе второй половины XX века. Облик воображаемой вдохновительницы представляет собой совершенное воплощение бытия всего существующего, преклонение перед которым отличает данное литературное направление.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 65-69. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THE FEATURES OF THE STRUCTURE OF COMPOUND PRONOUNS

Bondareva Galina Alekseevna

Department of the Russian Language
Voronezh State University
nakideal@mail.ru

Abstract. In the article the combinations such as *anywhere, anything* are described, their linguistic status is analyzed. Such expressions are a special kind of compound pronouns formed with the help of *w*-roots (*who, where, when, etc.*) and modifiers (*any*). Parallels between the features of the structure of traditional indefinite pronouns and compound ones are drawn.

Key words and phrases: compound pronoun; indefinite pronoun; *w*-roots; features of structure.

КУЛЬТ БЫТИЯ ВСЕГО СУЩЕСТВУЮЩЕГО
В ОБРАЗЕ «НЕРЕАЛЬНО-РЕАЛЬНОЙ» ЖЕНЩИНЫ
(НА ПРИМЕРЕ НАТУРФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

Бондаренко Елена Николаевна

Кафедра русской литературы XX века
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
naturphilosophy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образа «нереально-реальной» женщины в натурфилософской прозе второй половины XX века. Облик воображаемой вдохновительницы представляет собой совершенное воплощение бытия всего существующего, преклонение перед которым отличает данное литературное направление.

Ключевые слова и фразы: природа; натурфилософия; «нереально-реальная» женщина; поклонение.

В натурфилософской прозе второй половины XX века создаётся образ неземной и в то же время природной женщины. Её внутренний облик настолько одухотворён и возвышен, что представить существование подобного идеала в действительности становится невозможно. Однако именно такая женщина обладает качествами, указывающими на совершенную устроенность природы, проявлением которой выступает человек.

Она идеальна в воплощении красоты внешней и внутренней, поэтому сосредотачивает в себе всё пространство действительности и сама растворяется в нём. Такая женщина «ширится, как туман, захватывает собою неопределённо далёкое; и, собственно, не знаешь, где её границы» [Розанов, с. 206]. Беспредельная устремлённость подобного типа личности делает его *разлитым* в бытии всего существующего: перед читателем своего рода атом, который заключает в себе мир и является его частью, однако в идеальной родственности пространству он становится недостижим для осязания в целостности, остаётся нечто призрачное и загадочное. При этом подобное состояние достигается приобщением к уже имеющейся статичной среде, отражающей личное Я: её дом, комната, вещи - «всё это не то, что вещи, комната и дом мужчины: они точно размягчены, растворены, точно *вещи и место* превращены в ароматистость» [Там же].

К подобной вездесущности стремится любая многомерная личность. И если мужчине необходимо совершить ряд действий или ощутить определённые изменения состояния своего Я, то женщине надо лишь почувствовать родство с природой, в чём ей помогает гармоничная телесная оболочка. Здесь духовность проистекает от совершенной устроенности органического бытия. Более того, идеал *physis* порождает в поведении женщины особую неприкосновенность. Если *natura* не может быть до конца постигнута, то и её идеальное творение недоступно в понимании его сакральной сути.

Помимо загадочности и неуловимости, выделяются и другие черты в образе такой женщины. Во-первых, она совершенна телесно, причём её внешняя привлекательность выступает символом логоса, а отсюда вытекает соприкосновение героини с бесконечностью: «В красоте природы мы видим, воплощённым во временном, отблеск Вечности» [Брюсов, с. 308]. Во-вторых, она неосязаема. Любовь к ней превращается в преклонение и восхищение, но реально воплотить её невозможно, ибо здесь происходит слияние земных образов «с неземным идеалом: одни незаметно переходят в другой» [Там же, с. 311]. В натурфилософской прозе подобная условность воспринимается как наличие в природе такого идеала, который не созидает витальность, а сам является ценностью, требуя к себе уважения. Он не порождает нечто новое, а сохраняет или воскрешает уже существующее. Со стороны мужского начала такое поклонение женственности-природе может привести к созиданию. Отсюда третья черта - перед читателем возникает образ вдохновительницы, своей целью направляющей кого-то на совершенствование и/или спасение мира. Она ведёт за собой, пусть при

этом присутствует лишь в воображении. Следовательно, женщина - «произведение искусства, пример творчества Божьего, сила, вдохновляющая творчество мужественное. Быть Данте - это высокое призвание, но не менее высокое призвание быть Беатриче; Беатриче равна Данте по величине своего призвания в мире; она нужна не менее Данте для верховной цели жизни» [Бердяев, с. 254]. Указанные черты отличают традиционный для русской литературы образ Прекрасной Дамы.

Натурфилософская трактовка «нереально-реальной» [Залыгин, с. 72] незнакомки близка к сложившемуся истолкованию данного типа личности. Специфичность изображения Прекрасной Дамы здесь заключается лишь в том, что эта *вдохновляющая* женщина близка природе и является её неотторжимой частью. Совершенная суть героини проистекает не столько из духовности, сколько из законов устройства органического бытия, не допускающих разрушение витальности. Кроме того, она, благодаря своей вездесущности, отличается той же многомерностью, что и мужчина в натурфилософской прозе.

Часто Прекрасная Дама так и не появляется в произведении, но зримо в нём присутствует как вдохновительница главного героя художественного целого. Он обращается к ней в мыслях и воспоминаниях. Поэтому общение может и не иметь обратной связи, при наличии адресата. Например, герои Ч. Т. Айтматова и А. А. Кима сочиняют письма якобы существующей любимой женщине, однако получение ответа не становится для них целью.

Авдий Каллистратов пребывает в состоянии любви-поклонения перед Ингой Фёдоровной: «Что-то от Дон Кихота, нашедшего свою Дульсинею, обворожённого и загнипотизированного собственной мечтой, есть в его посланиях <...>» [Павловский, с. 108].

Действительно, героиня романа Ч. Т. Айтматова «Плаха» представляет собой воплощение Прекрасной Дамы. Образ Инги Фёдоровны наделяется чертами женщины-вдохновительницы, которые оттеняются её природной способностью возрождать: «<...> Она, подобно реке, оживляла и воскрешала его [Авдия] для повседневного бытия» [Айтматов, с. 51]. Более того, героиня романа помогает мужчине отыскать смысл существования. Переписка с ней становится «главным событием» [Там же] в судьбе Авдия, в письмах он раскрывает все грани своей природы. Послания героя не только повествуют о его скитаниях во имя *подвига*, но ещё и реализуют созидательную составляющую человека-Сфайроса. В них он творит слово - логос, следовательно, чувство к Инге Фёдоровне - «то самое предназначение, которое оправдывает его существование» [Там же].

По Ч. Т. Айтматову, «<...> любовь есть встреча Жизни и Бытия, двух уровней человека - и идеального, и телесного: в состоянии любви человек ощущает себя космическим существом» [Гачев, с. 11]. Этот выход на планетарный уровень свидетельствует о беспредельности чувств героя, причём ощущение бесконечности проистекает именно от женщины. Земная красота Инги Фёдоровны настолько гармонична и «соразмерна» [Айтматов, с. 119], что «необыкновенно тонкие черты её одухотворённого лица» [Там же, с. 120] напоминают герою образы «юных монахинь <...> невест христовых» [Там же, с. 53]. Внутреннее благородство, выраженное во внешнем виде женщины, приобщает её к сонму вечно-прекрасных идеалов бытия. Красота Инги Фёдоровны выступает воплощением миропорядка, ибо в ней форма соответствует содержанию. Чувство к женщине не может получить земной (биологической) реализации, ибо оно превращается в «стремление духа к Божественному совершенству <...> притягательному и бесконечному» [Там же, с. 52].

Поклонение Инге Фёдоровне - своеобразный культ Прекрасной Дамы, заключающей в себе вечность. В натурфилософской прозе подобная беспредельность сводится ещё и к вселенской взаимосвязи явлений. Прекрасная Дама Авдия Каллистратова приобщается к органическому миру, вступая в родственные отношения с единством МЫ: Инга Фёдоровна воспринимается героем как «сестра» волчицы Акбары «в человеческом облике» [Там же, с. 131]. Образ воодушевляющей женщины усложняется её природной недоступностью. *Покорение* Инги Фёдоровны невозможно, ибо нельзя подчинить себе бытие всего существующего, можно лишь стать его частицей.

Прекрасная Дама в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха» становится беспредельной субстанцией природы. В её чертах проглядывает божественное начало, которое олицетворяет вездесущность *physis*. Вдохновляющая женщина Инга Фёдоровна настолько идеальна, что её совершенство, проистекающее от мира органики, может восприниматься только в форме поклонения, а не обладания. Таким образом должны строиться взаимоотношения человека и природы.

Схожа с Ингой Фёдоровной незнакомка А. А. Кима. Его «нереально-реальная» может быть лицом вымышленным или отдалённо знакомым. Например, белка посвятил сою исповедь «несуществовавшей возлюбленной» [Ким, 1987, с. 522], которой он пишет послания, подобно Авдию. Но, в то же время, Прекрасная Дама А. А. Кима может быть и реальным лицом: Гурин («Утопия Гурина») обращается в письмах к жене Елене. Однако и тот, и другой образ содержат в себе одну схожую доминанту - обе эти женщины недоступны в таинстве своей сути, иными словами, их прекрасное начало загадочно.

Душевное очарование незнакомки А. А. Кима заключается в её женской феноменальности. Это сверхъестественная женщина, если и не равная Адаму, то хотя бы отличающаяся от него умением сохранять всё им созданное, неординарная в своём постоянстве. Не осознав данный факт, мужчина может потерять свою возлюбленную, что и происходит с художником Шураном в «Белке». Его жену-дюймовочку уносит ворон, когда он начинает считать её «обычной женщиной» [Там же, с. 525].

Неземное происхождение Прекрасной Дамы связывается в натурфилософской прозе, прежде всего, с сознанием мужчины. Такая женщина может быть предметом поклонения только в воображении, иначе её досягаемость лишит героя стремления к разгадке тайны бытия. Наиболее ярко этот таинственный лик очер-

чен в романе С. П. Залыгина «После бури» полковником Маховым. Его Прекрасная Дама подвигает мужчину к действию - жизни. Её «ум <...> проистекает из чувства», она «дейтельно нежная» [Залыгин, 1986, с. 71]. Героиней такая женщина воспринимается как чудо. Её можно только «чувствовать» [Там же]. В этом прелесть «нереально-реальной» [Там же, с. 72] незнакомки, возникшей в мыслях полковника Махова.

Такой же воображаемой становится девушка из рассказа В. Г. Распутина «Наташа». Её отношения с героем воспринимаются как «странное соединение сна, может быть, даже не одного сна, с реальностью» [Распутин, 1995, с. 84]. Облик Наташи подчёркивает её неземное происхождение: внешний вид девушки выдаёт в ней «человека немножко не от мира сего» [Там же, с. 86]. Однако её особость направлена не на удивление, а на воодушевление окружающих. Глядеть на стеснение Наташи равнодушно невозможно, человек сразу же заражается её светозарным состоянием и его душа теплится «счастливым ответным смущением» [Там же, с. 85]. Её лицо отличают возвышенные черты, которые проглядывали и в образе Инги Фёдоровны из романа Ч. Т. Айтматова «Плаха». Причём эта одухотворённость была предначертана, она проистекает из гармоничного замысла природы. В ней всё «словно бы так с самого начала и задумано» [Там же, с. 84], возвышено до святости, выраженной внешне - «широкое, мягкое, цветущее добротой лицо» [Там же]. Босые ноги Наташи при полёте тоже выдают её *нездешность*, «принадлежность не людскому, а Божьему миру» [Попова, с. 55]. Не случайно произведение В. Г. Распутина воспринимается как «рассказ об ангеле-хранителе» [Солженицын, 2000, с. 188].

Однако ключевым определением в истолковании образа является не кротость и смиренность, а наличие в описании героини «реалистически обоснованной фантастики» [Иванова, с. 211]: Наташа - «девушка из сна» [Распутин, 1995, с. 89], связанного с явью. Следовательно, её святость заложена не в проявлениях действительности (социума - ортодоксальной религии), а в сознании героя, представляющего свою встречу с ней на лоне природы. Более того, даже *physis* преобразуется с её приходом: «<...> Всё вокруг незаметно меняется, точно перестраивается для какого-то действия» [Там же, с. 90]. Действительно, девушка «изменяет всю <...> жизнь» [Там же, с. 89] героя: она учит его летать «на той пограничной высоте» [Там же, с. 91], где в единении с природой можно постичь смысл бытия - «главную, всё объединяющую и всё разрешающую тайну, в которой от начала и до конца сошлась жизнь <...>» [Там же]. Наташа становится своего рода сподвижницей, «музой» [Курбатов, с. 191], вдохновляющей на «духовное самоосуществление» [Угловская, с. 83], воспринимающееся, с натурфилософской точки зрения, как достижение личностью формы Сфайроса. Отсюда девушка - «идеал “вечно-женственного”, в котором таится сила, воздымающая и преобразующая природу человека» [Семёнова, с. 175]. Это Прекрасная Дама, «светоносность» [Адамович, с. 4] которой проистекает от витальной сущности бытия, от зиждательного космоса.

«Каждая встреча поэта <...> с этим идеалом выдаёт мечту об иной <...> природе<...>» [Семёнова, с. 175], то есть отношения героя с Наташей указывают на его стремление к гармонии бытия. Всё лучшее, что есть в человеке, выражается в его желании летать, возвышаться над обыденностью социума: «Здесь новый уровень общения людей, здесь душа с душой говорит» [Крупин, с. 11]. А дарует этот выход на ступень вселенского МЫ женщина. Следовательно, «созерцательность, вдумчивость, обращённость к дальним невидимым пределам» [Распутин, 2000, с. 189] Наташи воодушевляют героя на раскрытие потенциала собственной личности, своего рода развитие, превращение атома бытия в Сфайрос.

Непрерывность движения природных частиц не даёт возможности человеку застыть в статичном состоянии. Ощувив свою вселенскую принадлежность, удержаться в неизменности природы нельзя. При этом личность соприкасается с беспредельностью, которая и совершает различные метаморфозы вещества материи. Познать бесконечность нельзя, можно лишь ощутить её в себе. На первый план выходит не рациональное, а чувственное - женское. Наташа заполняет пространство жизни героя и ускользает, ибо ради стремления к цели человек должен осознавать её недоступность. Девушка «уходит», но обещает «приходить» [Там же, 1995, с. 92]. Исчезновение героини похоже на расставание с Прекрасной Дамой. Оно полно желания новой встречи, жаждой захватить неуловимое и преклонением перед ней. И пусть свидание было лишь одно, зато просветлённое состояние после него запомнилось на всю жизнь.

В образе Наташи утверждается вселенское предназначение женщины: «<...> Воплотить в мир Вечную Женственность, то есть одну из сторон божественной природы, и этим путём вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе» [Бердяев, с. 254]. Она девушка-вдохновительница, Прекрасная Дама, поклонение которой в натурфилософской прозе дарует личности единство с бытием всего существующего.

«Нереально-реальная» женщина В. П. Астафьева также является порождением сознания мужчины. Однако её природная суть становится для него очевидной. Она не только дитя *physis*, но и вечно бытийствующая в нём данность. Такой образ писатель создаёт в рассказе «Бойе» из повествования «Царь-рыба».

Шаманка В. П. Астафьева - это воплощение Прекрасной Дамы, влекущей своей таинственностью и недосыгаемостью. «Бессловесная, распрекрасная» [Астафьев, с. 40] незнакомка поражает сознание героя чем-то небывалым, воодушевляет на безрассудные поступки, обещая новую встречу. Эта вдохновительница является и надеждой героя на обновление, ибо сулит «что-то тайное», по сравнению с чем, его жизнь представляется настолько «опостылевшей», что нет никакой охоты бороться за неё [Там же, с. 41].

Желание, обладать шаманкой, нельзя воспринимать как некую сильную страсть. Чувство к ней у героев натурфилософской прозы сродни поклонению природе. Оно вдохновенно и одухотворено настолько, что даже её имя действующие лица не упоминают *всуе*. Истоки образа необходимо искать на *религиозной* почве.

Шаманка воплощает собой женщину, обладающую сакральным знанием об устройстве мира. Языческое

преклонение перед ней становится желанием человека пройти обряд инициации для приобретения нового статуса бытия. От восхищения своего рода божеством - «ОНА» [Там же, с. 40], как называет её герой - личность обращается к её *религиозной* сути: язычество берёт своё начало в *physis*. Любовь к ней - своеобразный проводник в мир единения с *natura*, ибо шаманка - «дита белой тундры» [Там же]. Аналогично средневековому рыцарю, преклоняющемуся перед Прекрасной Дамой, Коля проходит все ступени посвяжительного обряда, знаменующего его переход в статус природной личности. Он покидает «этот свет»: герой «хотел её видеть, ревниво пас в себе видение, спал беспокойно, сделался потаённым и, едва закончилась пурга, засобиравшись в тундру» [Там же, с. 41]. Затем Коля проходит ряд испытаний: желает убить Архипа, гонится за шаманкой, и, наконец, «обваливается под яр Дудыпты» [Там же, с. 42], переживая некое моральное умирание, где на помощь ему приходит посланник от природы - собака. Преодолев все трудности, герой возвращается в *мир* уже в другом статусе - гомеомерического человека (для натурфилософской прозы).

Чувство к шаманке вдохновляет Колю на личное совершенствование, превращая преклонение перед ней в культ природы. «Нереально-реальная» женщина В. П. Астафьева становится своего рода Прекрасной Дамой, истоки образа которой следует искать в ранней форме религии, имеющей в своей основе желание человека приобщиться к сакральному космосу. И потому физическое обладание шаманкой невозможно. Более того, её недоступность становится необходимой для реализации природного начала в герое. Любовь к ней не самоцель, а средство достижения формы Сфайроса в натурфилософской прозе, равно как для рыцаря - это способ утвердить своё *благородное* мужское начало в действительности.

Образ Прекрасной Дамы запечатлевает преклонение перед совершенством природы в натурфилософской прозе. В любви к такой женщине мужчина начинает приобретать способность *чувствования* (понимание на уровне одухотворённости) законов бытия. «Нереально-реальная» становится его идейной вдохновительницей, направляющей на приобщение к органике. Основу её натуры составляют природные стихии. Она является идеальным воплощением *physis*, пусть и возникшим в воображении.

Список литературы

- Адамович А. Светоносная Реальность // Литературная газета. 1 сентября 1982 г. С. 4.
- Айтматов Ч. Т. Плаха: роман, повесть. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007. 496 с.
- Астафьев В. П. Царь-рыба: повествование в рассказах. М.: Издательство «Эксмо», 2006. 512 с.
- Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос или философия любви в России. М.: Издательство «Прогресс», 1991. С. 232-265.
- Брюсов В. Я. Владимир Соловьёв. Смысл его поэзии // Поэзия серебряного века: в 2 т. М.: Издательство «Дрофа», 2006. Т. 1. С. 308-311.
- Гачев Г. Д. О том, как жить и как умирать // Айтматов Ч. Т. Когда падают горы. Вечная невеста: роман, повесть, новелла. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2007. С. 5-16.
- Залыгин С. П. После бури: роман. М.: Издательство «Современник», 1986. 703 с.
- Иванова Н. Вольное дыхание // Вопросы литературы. 1983. № 3. С. 179-214.
- Ким А. А. Белка // Ким А. А. Невеста моря: рассказы. Роман. М.: Издательство «Известия», 1987. С. 261-529
- Ким А. А. Утопия Гурина // Ким А. А. Нефритовый пояс: повести. М.: Издательство «Молодая гвардия», 1981. С. 177-284.
- Крупин В. Красота и огромность мира // Литературная Россия. 1 января 1983 г. С. 11.
- Курбатов В. Я. Предчувствие // Наш современник. 1992. № 1. С. 186-191.
- Павловский А. И. О романе Чингиза Айтматова «Плаха» // Русская литература. 1988. № 1. С. 92-118.
- Попова И. В. Национально-поэтический контекст прозы В. Распутина 1980-1990-х годов: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Тамбов, 2003. 189 с.
- Распутин В. Г. Видимое и невидимое // Наш современник. 2000. № 2. С. 184-190.
- Распутин В. Г. Наташа // Распутин В. Г. Что передать вороне?: повести и рассказы. Курган: Издательство «Зауралье», 1995. С. 84-93.
- Розанов В. В. Люди лунного света (метафизика христианства) // Розанов В. В. Уединённое: сборник. М.: Издательство «Эксмо», 2006. С. 181-386.
- Семёнова С. Преобразить себя и жизнь... О творчестве Валентина Распутина // Наш современник. 1987. № 3. С. 172-180.
- Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. С. 186-189.
- Угловская Г. М. Рассказ В. Распутина: динамика жанра: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 2006. 161 с.

**CULT OF BEING OF ALL EXISTING THINGS
IN THE IMAGE OF AN "UNREAL-REAL" WOMAN (ON THE EXAMPLE OF
NATURAL-PHILOSOPHICAL PROSE OF THE SECOND HALF OF THE XXTH CENTURY)**

Bondarenko Elena Nikolaevna

*Department of the Russian Literature of the XXth Century
Bryansk State University named after the academician I. G. Petrovsky
naturphilosophy@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the image of an "unreal-real" woman in the natural-philosophical prose of the second half of the XXth century. The appearance of an imagined woman-inspirer is the perfect embodiment of being of all existing things, the worship of which distinguishes the given literary trend.

Key words and phrases: nature; natural philosophy; "unreal-real" woman; worship.

**ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В НАИМЕНОВАНИЯХ ЯМ
ЕСТЕСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ)**

Бурко Наталья Владимировна

*Кафедра русского языка
Орловский государственный аграрный университет
nbourko@mail.ru*

Аннотация. В статье показана специфика диалектной языковой картины мира носителей орловских говоров на примере языковой репрезентации ими географических объектов; выявлены релевантные признаки, влияющие на процесс номинации, представлены пути развития семантики диалектных слов в русских народных говорах.

Ключевые слова и фразы: диалектная языковая картина мира; народные говоры; семантика; семантическое развитие; языковая репрезентация.

Диалектная языковая картина мира является частью общей национальной картины мира и «имеет не только общие с последней черты, но и особенные, проявляющиеся прежде всего в характере восприятия окружающего мира диалектным сообществом и в особенностях языковой репрезентации этого мира» [Демидова, с. 68].

Известно, что человек воспринимает мир с прагматических позиций, особо выделяя, маркируя те географические реалии, которые оценивает как важные и существенные для повседневной жизни; те, которые каким-либо образом влияют на его хозяйственную деятельность (мешают распашке земель, передвижению транспорта, человека и т.п. или же, напротив, те, которые человек приспособливает к своим хозяйственным надобностям). Поиски языком номинаций, оптимальных для конкретных географических условий и ситуаций, отражает результаты «познавательной и классифицирующей деятельности человека. В лексических единицах языка содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа, раскрывающая особенности видения мира и являющаяся своеобразным ориентиром в его освоении» [Вендина, с. 33].

В данной работе мы хотим показать специфику языковой картины мира диалектоносителей на примере наименований в орловских говорах ям естественного происхождения.

Для номинации обозначенной географической реалии в орловских говорах употребляются слова **бук, буковище, провалище, промоина, промытина, вымоина, водомойня, жабина, рыга, колдобина, колдобина, колдобашина**.

Анализ лексем целесообразно, на наш взгляд, начать со слов, которые наиболее отчётливо указывают на характер образования географической реалии.

С этой позиции наше внимание привлекли слова, в значении которых актуализируется сема "вымытый, промытый водой": **промоина, промытина, водомойня, вымоина**.

Субстантив **промоина** известен в литературном русском языке как "впадина, образовавшаяся от действия воды", а также "попынь, образованная размывающей лёд водой" [БАС, т. 11, ст. 1213]. Этот апеллатив является единицей научной географической терминологии, и в специальных словарях дается более конкретное, точное описание значения, вкладываемого в понятие **промоина**. В «Энциклопедическом словаре географических терминов» (ЭСГТ) у этого слова также выделяется два значения: "попынь" и "линейная поляя форма микрорельефа, образованная временными потоками, промежуточная между водороем и оврагом. В отличие от оврага, собственно продольный профиль промоины не выработан. Непроходима для сельскохо-